

ІСТОРІЯ ЦИВІЛІСТИКИ

1. АНТОЛОГІЯ ТВОРІВ

Черепакін Б. Б. Юридическа природа векселя и Положеніе о векселях 1922 года. // Право и жизнь. – 1923. – Кн. 9-10. – С. 3-20.

Одним из наиболее спорных вопросов теории вексельного права является вопрос об юридической природе векселя, точнее – вексельного обязательства. Под юридической природой векселя обычно понимается основание вексельного обязательства, т. е. его фактический состав (совокупность юридических фактов, необходимых и достаточных для обоснования данного правоотношения), в этом смысле берется это понятие и в настоящей статье.

Фактический состав вексельного обязательства, как и всякого другого, представляется сложным, т. е. для его завершения (перфекции) требуется наличие ряда юридических фактов, относящихся к одной или же к различным категориям, но, во всяком случае, нескольких.

Для той или иной квалификации каждого данного фактического состава необходимо разложить его на составные части и выяснить, какие из них занимают преобладающее, доминирующее значение.

Аргументом можно утверждать, что фактический состав вексельного обязательства не может быть рассматриваем как юридическое событие, так как в нем совершенно очевиден момент человеческой активности, и притом, представляющей собою стремление к определенной правовой цели, определенным юридическим последствиям; нельзя его рассматривать и как правонарушение, так как вексельное обязательство возникает лишь там и постольку, где и поскольку дозволяется обязываться векселями, где вексель является определенным, признанным объективным правом, юридическим институтом. Исключением этих двух типов юридических фактов мы неизбежно приходим к следующему выводу: в интересующем нас фактическом составе мы имеем дело с юридической сделкой. В настоящее время это совершенно бесспорная сторона вопроса. Почти

все предложенные вексельные теории признают *expressis verbis* или *implicite* сделочный характер (*rechtsgeschäftlichen Charakter*) вексельного обязательства. Это признание является общим для всех теорий, действительно дающих ответ на вопрос о фактическом составе вексельного обязательства [1], все они сходятся на признании необходимым элементом фактического состава определенным образом выраженного волеизъявления векселедателя или, вообще, всякого, обязывающегося по векселю лица (надписателя, акцептанта, поручителя и т. д.).

В дальнейшем наблюдается расхождение теорий. Одни ученые утверждают, что мы имеем здесь дело с договором; другие, – что здесь перед нами односторонняя юридическая сделка. Спорят также при определении необходимых дополнительных элементов фактического состава. Вообще, следовательно, относительно момента завершения фактического состава вексельного обязательства, обуславливающего его возникновение; относительно того, когда возникает право векселедержателя.

Все многообразие теорий, предложенных для разрешения этого вопроса, при всем их расхождении, может быть сведено к двум основным направлениям, с большими или меньшими модификациями в пределах каждого из них: теории договорной и теории одностороннего волеизъявления. Представители последней, в свою очередь, расходясь между собою в деталях, сходятся в признании односторонне-сделочного характера векселя: это теория креации, теория эмиссии (выпуска), передачи или уступки (*Begebungs-oder Aushändigungstheorie*), теория добросовестного приобретения (*Redlichkeitstheorie*) и другие.

Таково в общих чертах существо и основное содержание вопроса об юридической природе векселя и тех контроверз, которые вокруг него возникли в науке.

При этом необходимо оговориться, что то или иное решение вопроса относительно юридической природы вексельного обязательства, равно как и всякого другого теоретико-догматического вопроса, возможно только на почве определенного положительного правового материала.

договорный тип: куплю-продажу (*emptio – venditio pecuniae absentis*), мену (*permutatio*), подряд (*lokatio – conductio operis*), наконец, как *contractus innominatus*. Лишь с самыми незначительными изменениями эти теории перешли и во французский период, вполне соответствуя современному им вексельному праву.

Однако в связи с общим развитием векселя видоизменяется отношение к нему со стороны теории: во второй половине XVII века в Германии от консенсуально-контрактной конструкции переходят к построению векселя в качестве *contractus litterarum (с conditio certii)*, хотя еще и в этом периоде сохраняются консенсуальные теории.

Несмотря на существование попыток конструирования вексельного отношения еще в указанный период, истинно научный подход к вопросу можно констатировать лишь в начале XIX века в трудах Einert'a, Liebe и Thöl'я. Из них последнему принадлежит заслуга первого серьезного построения и обоснования договорной теории векселя.

По мнению Thöl'я и его последователей [6], вексельное обязательство устанавливается выдачей и принятием векселя (*Geben und Nehmen*), причем эти два акта должны произойти по соглашению и, вместе взятые, составляют вексельный договор. Для этого передача векселя должна быть совершена с намерением установить вексельное обязательство, предполагаемое, однако, в самом факте перенесения владения. Пока кто-нибудь не примет вексель, – вексельного обязательства нет, нет, собственно, и векселя, а есть только исписанная бумага. При этом вексельный договор, по Thöl'ю, не есть простая сделка купли или мены, как это полагали представители старых договорных теорий, – напротив, это договор абстрактный, строго формальный, имеющий аналогию с римской стипуляцией [7].

Вот, в общих чертах, главные тезисы Thöl'я, легшие в основу современных договорных теорий.

В нашей русской литературе одним из сторонников договорной концепции является проф. Шершеневич [8]. Он рассматривает вексель как договорное обязательство, причем совершенно правильно оговаривается, что в данном случае имеется в виду не то договорное отношение, которое привело к векселю (напр., купля-продажа или заем), а то отношение, которое создается векселем (точнее: самая вексельная сделка). Однако, переходя к обоснованию договорного характера векселя, названный автор приводит доказательства, которые совершенно не говорят за договорную природу векселя, подтверждая лишь его сделочный характер, и притом – односторонне-сделочный, то есть обоснование векселя односторонней юридической сделкой.

Договорный момент, по мнению Шершеневича, обнаруживается в том, что «векселедатель становится ответственным перед векселедержателем в силу передачи ему векселя-документа с намерением обязать перед ним», дальше то же положение берется с отрицательной стороны: «Следовательно, если вексель вышел из рук создавшего его векселедателя помимо его воли, – вексельное обязательство не содалось бы».

Однако для наличности договора необходимо участие двух (или более) лиц, сделавших друг другу встречные, согласные волеизъявления [9]. Если же к фактическому составу сделки относится волеизъявление только одного лица, так или иначе выразившего свою волю обязать или обязать противную сторону, то мы будем иметь одностороннюю юридическую сделку. Следовательно, все рассуждение Шершеневича подчеркивает лишь необходимость для обоснования вексельного отношения надлежащим образом обнаруженной воли вексельнообязанного лица, нигде не упоминая о каком-либо встречном волеизъявлении со стороны векселепринимателя.

Интересно отметить, что в аргументации сторонников договорной теории играет существенную роль, как это отметил еще Kuntze [10], то обстоятельство, что «старая школа не может отойти от договорного типа» сделки. Например, у Гарейса [11] мы находим следующее рассуждение: «Так как нормальной основой возникновения всех обязательств, если они не суть обязательства из проступка, является договор, то право и обязанность по векселю также возникают только через посредство договора».

Отметив ряд теоретически слабых мест договорной концепции вексельного обязательства (о других я буду говорить ниже, при разборе односторонне-сделочных теорий), остановлюсь на некоторых практических ее неудобствах [12].

С точки зрения договорной теории, вексельное обязательство возникает только после того, как документ передан первому приобретателю на основании соглашения, последовавшего между векселедателем и первым приобретателем. При последовательном применении этой теории, несмотря на всю самостоятельность позиции векселедержателя, могут возникать различные споры по поводу этого первого момента возникновения вексельного обязательства.

Вексельнообязанное лицо может защищаться против предъявленного к нему требования указанием на то, что оно никогда не вступало ни с кем в договорные отношения об установлении вексельного обязательства, что, хотя вексель, действительно,

[18]) и дает тезисам договорной теории лишь другую формулировку, взамен часто встречающейся конструкции, как *contractus cum persona incerta* (Sohm, Dernburg).

Однако при всем сходстве и близости с договорной теорией *Aushändigungs – oder Begebungstheorie* отличается от последней в степени требуемой от приемателя векселя активности в том акте *Nehmen*, который включается этой теорией в необходимый фактический состав вексельного обязательства. Это обязательство, как я постараюсь показать ниже, имеет существенно важное значение.

Значительно ближе к теории креации и уже, безусловно, на односторонне-сделочной позиции стоит теория эмиссии (*Emissionstheorie*), выдвинутая Stobbe и принятая Windscheid'ом и Alf. Pernice'ом. Эта теория выпуска требует для перфекции фактического состава, чтобы вексель вышел из рук векселедержателя по его воле и попал в руки векселеприобретателя; особого акта передачи векселя, состоящего в *Geben und Nehmen*, не требуется. Здесь также выставляется требование намеренного и безвозвратного изъятия векселя из своего обладания векселедателем, однако это не передача и не договор, хотя бы и с первым приобретателем, – достаточно, например, если вексель вслед за актом его дереликции попадет в руки управомоченного лица. Вместо *Geben und Nehmen – Fortgabe und Aneignung*, как отдельные акты. В сравнении с теорией креации, теория эмиссии лишь усложняет фактический состав вексельного обязательства, отодвигая момент его завершения.

Преимуществом этой теории в сравнении с *Begebungstheorie* является, как правильно отмечает Kuntze, то, что она одинаково трактует вопрос в отношении к первому и к последующим приобретателям: положение, когда эмиссия не совпадает с традицией, встречается крайне редко. Эта теория имеет практическое значение для случая, когда векселедатель, отправив вексель по почте, умирает до получения его векселеприобретателем.

По моему мнению, существенно не то, что *Fortgabe und Aneignung* в большинстве случаев практически не отличаются от традиции с ее *Geben und Nehmen*, а то, что совпадение это не является необходимым, и, следовательно, для перфекции фактического состава достаточно, чтобы вексель был намеренно выпущен из рук векселедателя и был вслед за тем присвоен векселеприобретателем, т. е. то же самое, что впоследствии было высказано К. Cosack'ом и Н. Lehmann'ом [19] в их *Eigentumstheorie* в развитие мысли, заимствованной у Randa и Carlin'a [20].

Проф. Шершеневич (курс III, стр. 33), излагая теорию эмиссии, говорит: «Но выпуск производится не на ветер, а в руки определенного лица, в которые вексель попадает не иначе, как по его воле. В этом виде теория (одностороннего создания) начинает подходить, помимо своего желания, к договорной теории».

Это замечание, направленное против теории Stobbe, могло бы еще быть принято с натяжкой против *Begebungstheorie*, по отношению же к теории эмиссии оно совершенно неправильно: то обстоятельство, что вексель попадает в руки векселедержателя по его воле, еще ничего не говорит за признание наличности договора, если даже мы будем называть это принятием векселя. Последнее не относится к фактическому составу вексельного отношения, оно отнюдь не необходимо для его обоснования.

Вопрос, – принят вексель или нет, сводился к вопросу, – желает или не желает векселедержатель воспользоваться принадлежащим ему правом на вексельный документ, – для своего возникновения последнее не нуждается в его согласии. В доказательство этого положения можно сослаться на то, что положительное право (русские уставы 1902 и 1922 гг., А. Д. В. О. и др.) нигде не содержит этого требования (см. ниже). Русские уставы говорят лишь о необходимости надлежащей «выдачи» векселя и этим определяют, что до выдачи вексель, хотя бы и изготовленный по всем правилам, есть только проект векселя, а не вексель. Немецкие суды в общем держатся того мнения, что для действительности векселя необходимо, чтобы векселедатель сознательно выпустил из своих рук документ, хотя и совершенно безразлично, в каких видах (см. Каминка – Устав о векселях, 1913 г., стр. 97).

Последовательно-односторонней является теория добросовестного приобретения (*Redlichkeits-theorie*): она требует для перфекции вексельного обязательства лишь того, чтобы надлежаще изготовленный вексель попал каким-нибудь образом в добросовестное обладание векселедержателя.

Эта теория была впервые выставлена Bluntschli относительно бумаг на предъявителя и развита применительно к векселю Grünhut'ом; она же легла в основу практики Германского Имперского Суда (*Reichsgericht'a*). Этой же теории придерживается известный комментатор Германского Вексельного Устава – Staub [21], в русской литературе – проф. Каминка и проф. Цитович [22].

Эта теория, по сравнению с теорией креации, усложняет фактический состав требованием добросовестного приобретения со стороны всякого приобретателя векселя. Как признает и сам Kuntze,

«приобретение» векселя сеть волеизъявление, входящее в вексельный договор.

На этом вопросе – о дееспособности второго субъекта договорного отношения – обычно спотыкаются сторонники договорной, во что бы то ни стало, концепции всех сделочных отношений: публичного обещания награды (*Auslobung*), бумаг на предъявителя, векселя, дарения и других.

Дальше, у Шершеневича, мы читаем (стр. 44): «Вексельная дееспособность должна существовать в момент, означенный на векселе как время составления его». На последний *lapsus* договорной теории обратил внимание еще I. E. Kuntze (в *Endem. N. Bd. IV, Abt. 2, § 15, II, I – S. 77*).

Все это лишний раз показывает полное несоответствие договорной теории природе современного векселя. Как мы увидим ниже, эта теория не находит себе подтверждения в современных вексельных законодательствах.

В заключение систематического обзора теорий по вопросу о юридической природе векселя необходимо отметить, что многие сторонники договорной теории в своей полемике против односторонне-сделочной теории берут эту теорию в том ее виде, в каком ее развил I. E. Kuntze, игнорируя при этом, что его последователи внесли в первоначальную теорию креации ряд весьма существенных изменений и дополнений [23].

III

После обзора вексельных теорий перейдем к выяснению фактического состава вексельного отношения, применительно к нашему действующему законодательству. При этом конструировании фактического состава необходимо прежде всего принять во внимание статьи 1 и 10 Положения о векселях 1922 г., которые гласят:

Ст. 1. «Векселем называется долговое денежное обязательство, выданное одной стороной (векселедателем) другой стороне (векселедержателю) с соблюдением требований настоящего положения и написанное на вексельной бумаге соответствующего достоинства» [24].

Ст. 10. «Каждому векселедержателю, независимо от прав предшественника, принадлежат все права, вытекающие из векселя. Исключается лишь тот случай, когда вексель выбыл из владения последнего, помимо его воли, и векселедержатель об этом знал или должен был знать при обычной в торговом обороте предусмотрительности» [25].

Н. Вавин в своем комментарии полагает, что употребленное в 1-й статье Положения выражение «обязательство, выданное», указывает, что Положение

остановилось на теории договорной... Более подробно эта мысль разработана в ст. 10, трактующей о «правах векселедержателя». И дальше автор пространно излагает не требующее доказательств положение, что вексель не выданный не имеет силы, разве бы оказалось, что векселедержатель об этом не знал и не должен был знать при обычной в торговом обороте предусмотрительности.

Как мы видели выше, выдача есть односторонний акт векселедателя, ничего общего с договором не имеющий. Она может быть произведена в запечатанном конверте, причем векселедержатель, приобретая вексель, может и не знать о передаче ему такого. Во всяком случае, требование выдачи в ст. 1 означает лишь то, что Положением теория креации не принята, но отнюдь не то, что оно отвергает односторонне-сделочную теорию вообще.

Обратимся теперь к разбору фактического состава вексельного отношения. Положение о векселях 1922 г., в отличие от Устава о векселях 1902 г. (ст. 15, 16, 24 и др.) [26], делает различие между условиями перфекции обязательства в отношении первого приобретателя векселя и в отношении лиц, к коим последний дошел по передаточным подписям. В доказательство такого разного отношения можно сослаться на 10-ю статью Положения. Эта статья на первый взгляд может, как будто, быть истолкована в том смысле, что она относится и к первому приобретателю: «к каждому векселедержателю», т. е. в том числе и к первому приобретателю векселя. Однако такое понимание разрушается дальнейшим: «независимо от прав предшественника», – ведь первый приобретатель, получающий вексель непосредственно от векселедателя, лица обязанного, а не управомоченного, не имеет предшественников, управомоченных по данному векселю.

Для перфекции вексельного обязательства, в отношении первого приобретателя, требуется:

- 1) чтобы вексель был изготовлен с соблюдением требований настоящего положения, и
- 2) чтобы вексель был ему выдан.

Не требуется какого-либо принятия; не требуется, чтобы приобретатель векселя знал, что ему выдается вексель [27] (например, когда вексель выдается в запечатанном конверте). Требуется лишь, чтобы векселедатель выпустил из своих рук изготовленный вексель с тем, чтобы он попал в руки лица, обозначенного на нем в качестве векселедержателя.

В отношении каждого последующего держателя, т. е. лица, к которому вексель дошел по передаточной надписи, требуется лишь, чтобы надлежащим образом изготовленный вексель попал в его

чтобы акцепт считался окончательным. Германское право стоит в этом вопросе на точке зрения теории креации [32], не допуская зачеркивания акцепта даже до возвращения векселя векселедержателю. Устав о векселях 1902 г. стоит на другой точке зрения [33], требуя для перфекции акцепта его выдачи, его обладания.

Относительно нашего действующего права (Положение о векселях 1922 г.) следует признать, что оно придерживается в отношении акцепта точки зрения теории креации.

В самом деле, когда именно плательщик мог бы зачеркнуть акцепт, если вексель может ему не быть оставлен (ст. 21)? Его положение совершенно иное, чем положение векселедателя: последний, создав вексельный документ, может не выпускать его из своих рук, а потому *Aushändigung* или же эмиссия могут являться решающим моментом для возникновения вексельного отношения. Плательщик же может только принять, сделав соответствующую надпись и подписав ее, или же не принять, отказавшись сделать надпись о принятии (ст. 22, 23 и 26). Раз он принял, то его волеизъявление обязывает его безусловно, т. е. в этом вопросе наше Положение повторяет точку зрения Германского Устава (*W. O.*, § 21, 4).

Другое понимание постановлений нашего действующего права об акцепте высказано у Вавина (цит. соч., стр. 104): «С какого момента устанавливается обязательство акцепта (очевидно, акцептанта)? С момента ли учинения им на векселе надписи об акцепте, или с момента выдачи презентанту акцептированного векселя?»

Так как Положение стоит на точке зрения договорной теории, по которой вексельное обязательство возникает только с выдачей векселя, то моментом возникновения вексельной обязанности акцептанта следует считать момент выдачи акцептованной тратты презентанту».

Таким образом, Вавин отстаивает, по существу говоря, не договорную теорию против односторонне-сделочной, а теорию эмиссии против

теории креации. Еще в отношении первоначальной выдачи и передачи векселя можно согласиться с его доводами, так как, не выдав векселя, векселедатель или трассант могут этим не выпустить в оборот свое вексельное обязательство. С акцептом же положение обстоит совершенно иначе, так как здесь не может быть и речи о невозвращении векселя: для векселедателя и трассанта вексель – свой документ, для акцептанта же – чужой, и это обстоятельство должно быть принято во внимание.

В результате всего изложения мы приходим к тому выводу, что по действующему праву обоснование всякого вексельного обязательства происходит путем односторонней юридической сделки.

IV

Еще римское, и особенно пандектное, право знали отдельные случаи (*pollicitatio, votum*) возникновения обязательств из одностороннего волеизъявления. В современном праве число односторонних юридических сделок (и именно односторонне-управомочивающих) неизменно растет (*Auslobung*, бумага на предъявителя, вексель и др.).

Если мы обратимся к истории признания связующей силы договоров, то мы здесь тоже увидим что к господству положения *pacta sunt servanda* – право пришло весьма постепенно: сначала получили признание отдельные типы договоров, постепенно число их умножалось, признание распространялось на определенные категории безымянных договоров (*contractus innominati*) и бесформальных соглашений (*pacta*) и, наконец, утвердилось признание связующей силы всякого соглашения, поскольку оно не стоит в противоречии с положительным правом.

Отмеченная выше тенденция современного права к постепенному расширению признания односторонних юридических сделок (из категории односторонне-управомочивающих) позволяет предположить, что мы придем рано или поздно к признанию связующей силы за всякой односторонне-управомочивающей сделкой.

СНОСКИ:

- [1] Существуют теории, которые, хотя и говорят об юридической природе векселя, но не дают ответа на интересующий нас вопрос; таковы, например, теории Einert'a (*Papiergeld des Kaufmanns*) или Volkmar und Ццву (*Personifikationstheorie*). Эти теории, естественно, в счет не идут.
- [2] Современные французские коммерциалисты стоят исключительно на договорной точке зрения, не уделяя, впрочем, этому вопросу серьезного внимания: и Lyon-Caen et Renault и Thaller говорят о векселе, как об одном из договоров, а Albert Wahl говорит о теории креации, как о «заблуждении, неизвестном за пределами Германии».
- [3] «Научно-практический Комментарий Положения о векселях 1922 г.» составил Н. Вавин. Москва. Юрид. Изд-во Н. К. Ю. 1923 г.
- [4] Kuntze в *Endemanns Handbuch*, Bd. 4, 2-e Abt, S. 70 и f. f.; см. также Б. Черепяхин – «Дарение по Гражданск. Кодексу» – «Право и Жизнь» 1923 г., кн. 4-я, стр. 47.
- [5] *Rolandinus* (ум. 1300 г.) – *cambium est emptio-venditio pecuniae absentis*; приблизительно в том же смысле *Baldus* (ум. 1400 г.) и другие постглоссаторы.

- [6] Сторонники договорной теории: Ladenburg, Hoffmann, O. Wachter, Gareis, de Fonteney, G. Binding, Renaud, Regelsberger, Sohm, также Goldschmidt; в русской литературе — Шершеневич, Катков.
- [7] Thul — Wechselrecht, 1847, § 192 и 198.
- [8] Курс торгового права, том III, изд. 4-е. СПб., 1909, стр. 21 и сл. и др.
- [9] См. Гражданский Кодекс Р. С. Ф. С. Р., статьи 26 и 130.
- [10] Op. cit. S. 75.
- [11] Карл Гарейс. Германское Торговое Право, вып. 3, Москва, 1904, стр. 547.
- [12] Каминка. Устав о векселях, стр. 95—96.
- [13] Einert. Das Wechselrecht nach dem Bedürfnisse des Wechselgeschäfts in 19 Jahrhundert, 1839. § 5, 18—20, 32—35, 103 und 105.
- [14] Azuni, Vignon, Fremery, Vösch und Treitschke.
- [15] Einert D. Wechselgeschäfts. SS. 90, 525.
- [16] Kuntze. Deutsche W. R. S. S. 51, 52, 304; в Endem. H. Bd. IV, Abt. 2, § 10, 14 и 15; см. также Миловидов. Вексельное право, Ярославль. 1876, стр. 34 и 35.
- [17] Необходимо отметить, что Gareis, последовательный сторонник договорной теории, причисляет Jolly и Grawein'a к числу последователей Kuntze и др. и считает их стоящими значительно ближе в односторонне-сделочной теории, нежели к договорной.
- [18] В. Грѣнхут. Z. 1, S. 372.
- [19] Cosack. Lehrbuch des Handelsrechts, 6-е Aufl., 1903, S. 233 и ff; H. Lehmann. Lehrbuch des deutschen Wechselrechts, S. 277 (посл. цит. по Шершеневичу, курс торг. права, III, стр. 34, прим. I).
- [20] Randa. Eigentumsrecht, 1 Aufl. 84, 2 Aufl. 93 § 12; Carlin, Z. 38 (82 г.) S. 6.
- [21] H. Staub. Kommentar zur Allgemeinen Deutschen Wechs. Ord. 4 Aufl. Berlin 1901, § 9—17.
- [22] Каминка. цит. книга; Цитович (Очерки по теории торгового права, вып. 4, стр. 315) выдвигает теорию правильного держания, весьма близкую к теории Грѣнхут'a и Staub'a.
- [23] Этот упрек должен быть сделан среди других сторонников договорной теории также и Н. Вавину, на комментарии которого к Положению о векселях 1922 г. мы еще остановимся.
- [24] См. Постановление Совнаркома СССР от 24/VII 1923 г. Изв. ЦИК ССР № 174.
- [25] Устав о векселях 1902 г., ст. 15: «Вексель, для вступления в силу в отношении к первому приобретателю, должен быть выдан ему векселедателем». Ст. 16: «Вексель считается выданным от векселедателя первому приобретателю, если находится во владении последнего, разве бы оказалось, что выдачи на самом деле не было, и он об этом знал». Ст. 24: «Векселедержателю принадлежат все права, вытекающие из векселя, независимо от прав по оному предшественника, разве бы оказалось, что вексель выбыл из владения последнего помимо его воли, и что векселедержатель об этом знал». Ст. 27: «Выдачею векселя векселедатель принимает на себя ответственность за платеж по оному». См. также ст. 89.
- [26] Ср. Каминка. Устав о векселях (изд. 1913 г.), Комментарий к означенным статьям, в особенности § 2 к ст. 24.
- [27] Каминка, там же, стр. 97, где речь идет о выдаче векселя в запечатанном конверте.
- [28] Каминка, там же, стр. 98: «Как бы то ни было, во всяком случае необходимо признать, что, согласно новому Уставу (т. е. Уставу 1902 г.), в отличие от старого, лицо, выпустившее из своих рук, безразлично каким путем, вексель, — является ответственным перед добросовестным его приобретателем», в связи со сказанным на стр. 128: «Правилом настоящей (24-й) статьи последовательно ставятся совершенно такие же условия для приобретателя векселя по передаточной надписи, как и для первоначального приобретателя (ср. ст. 16 и комментарий к ней)». См. также Добровольский. Устав о векселях, изд. 3, 1916 г. стр. 68. Это единство в трактовке первого и последующих приобретателей как будто не признает Шершеневич — цит. книга, стр. 33 и 35, игнорируя в своих рассуждениях ст. 16 Устава (особенно ее конец). Ср. также его же Учебник Торгового Права, изд. 9-е, 1919 г., стр. 283—287.
- [29] См. Вавин. цит. соч., стр. 74.
- [30] Thul. Wechselrecht, § 114; Gareis. Das deutsche Handelsrecht, S. 841; Грѣнхут. Wechselrecht, Bd. II, SS. 8, 9; K. Lehmann. Lehrbuch des Handelsrechts, 1908, S. 640; тот же взгляд на индоссамент у Thaller'a, Vivante, Vidari; Шершеневич. цит. книга, стр. 86: «Индоссамент представляет собою не что иное, как создание нового вексельного обязательства, воплощенного в прежний вексель». Индоссамент принимает на себя совершенно самостоятельное обязательство.
- [31] Шершеневич. цит. соч., стр. 105: «Принимая вексель, плательщик обязывается не в отношении предъявителя (к акцепту), а в отношении того лица, которое к сроку платежа будет в состоянии легитимировать себя в качестве правильного векселедержателя»
- [32] § 21 п. 4: «Die einmal erfolgte Annahme kann nicht zurückgenommen werden», см. Staub, op. cit., S. S. 80, 81.
- [33] Ст. 95: «Равным образом и вексель, на коем надпись об акцепте окажется зачеркнутою, считается не принятым». Шершеневич. цит. соч., стр. 112: «До возвращения векселя предъявителю плательщик вправе взять свой акцепт назад, просто зачеркнув его и выдав вексель в таком виде».